

Фольклорный текст: перевод и аналитическое описание

Ю.В. Лиморенко

Научный перевод фольклора: цели и средства (на примере анализа перевода эпического текста)

Аннотация. В статье рассматриваются три цели научного перевода фольклорных текстов: познавательная, аналитическая и эстетическая. Показано, что природа фольклора налагает некоторые ограничения на выбор языковых средств, употребляемых в переводе. На примере отрывка из алтайского героического сказания изучаются типичные особенности фольклорного языка и поэтики и способы их передачи на русский язык. Исследована роль научного комментария к переводу на примере комментариев к эпическому тексту. Показано, что синтаксический параллелизм, особая эпическая лексика и образные выражения, характерные для фольклора, могут быть удовлетворительно переведены на русский язык и дать представление о природе национального фольклорного стиля. Описаны и изучены случаи отступления перевода от оригинала, их причины и следствия.

This article examines the three goals of scientific translation of folklore texts: introductory, analytic, and aesthetic. It is supposed that the nature of folk art poses some restrictions onto the choice of linguistic methods used in translation. Researching is based on translations of fragments of Altai epics, showing the specificity of folklore language and poetics and the ways of their translation to Russian. The role of the translation scholarly commentary is examined through the example of scholarly commentary to the translation of an epic. Syntax parallelism, specific vocabulary and figural expressions peculiar to folklore language can be properly translated to Russian and give reader a view and taste about the particular ethnic style of folklore. Examples of intended mismatches between the original text and the translation are marked and examined, as well as their sources and outcomes.

Ключевые слова: теория перевода, научный перевод, язык фольклора, эпос, поэтика фольклора, синтаксический параллелизм, научный комментарий.

Translation theory, scientific translation, folklore language, epos, folklore poetics, syntax parallelism, scholarly commentary.

УДК: 398.224: 81'25

Контактная информация: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел./факс: (383) 330-14-52. E-mail: limorenko@ngs.ru.

Интерес к теме перевода фольклорных текстов на языки международного общения в последние годы сильно вырос, в основном в практическом аспекте. Во-первых, рост интереса представителей различных этносов к собственной традиционной культуре встречается с серьезным препятствием: не всякий, кто интересуется культурой и традициями своего народа, владеет его языком. Во-вторых, возросшая популярность народных традиций воспитания, признание педагогической ценности фольклора требуют сделать фольклорные образцы общедоступными – а это возможно только при их переводе на широко распространенные в мире языки. Образовательная деятельность, различные культурные проекты, мероприятия досуга сегодня не обходятся без элементов традиционных культур, причем приблизительные стилизации зачастую уже не подходят для этих задач – аудитория стала требовательнее к аутентичности материала. В-третьих, масштабные академические проекты по изданию фольклора народов мира продолжают воплощаться в жизнь. В-четвертых, наконец, тенденции к сближению узких научных областей, междисциплинарное изучение традиционных культур требуют сопоставления больших объемов материала, прежде всего – текстового, приведенного «к общему знаменателю», т.е. представленного на каком-нибудь одном языке. И этот язык – чаще всего один из языков международного общения, в первую очередь научного сообщества. Проблемы перевода фольклорного текста нами рассматриваются на примере перевода на русский. Однако предложенные подходы и практические выводы могут быть приложены к любому письменному естественному языку, являющемуся языком науки.

Если для широкой аудитории и для целей популяризации фольклора проблема научной точности перевода не стоит, то для исследователей это вопрос ключевой, принципиальный. От степени

точности перевода и выбранных принципов переводческой работы напрямую зависит степень понимания материала и обоснованности анализа.

Научный перевод фольклорных образцов с языка, на котором они бытуют, на другой язык имеет три основных цели:

- *познавательная* – для читателя, не владеющего языком оригинала, он доступен только в переводе, причем впечатления читателя в значительной мере зависят от того, насколько легко читаем и понятен перевод;

- *аналитическая* – перевод должен быть пригоден для последующей научной работы с текстом; привлекая для изучения материал на незнакомом или малознакомом языке, исследователь должен иметь в переводе надежную опору для научных выводов, должен быть уверен, что перевод не исказил существенные черты традиции, языка и культуры;

- *эстетическая* – поскольку фольклорное произведение по своей природе связано с выражением и удовлетворением эстетических воззрений и потребностей народа, эстетическую его функцию нельзя оторвать ни от оригинала, ни от перевода. Перевод лишь тогда будет переводом, а не переложением и не пересказом, когда будет представлять собою поэтический текст.

Для познавательного чтения главное – легкость и доступность понимания текста и с языковой, и с содержательной точки зрения. Для аналитического использования основное требование к тексту – точность выбора языковых соответствий, передачи исторических и этнографических деталей, следование структуре текста без сокращений, дополнений, установления ложных логических связей. Для эстетического воздействия необходимо сохранить (или, как мы увидим далее, скорее, не испортить) художественную выразительность, красоту формы и глубину содержания текста, не перегруженного языковыми и семантическими излишествами. Поэтому, говоря о научном переводе фольклора, мы отдаем себе отчет в том, что основная цель для нас – вторая, аналитическая, но не должны упускать из виду и две других: если их достижение не противоречит основной цели, они не должны быть отброшены как ненужные и неактуальные. Фольклорный текст – всегда продукт творчества, и представить его вне эстетики, лишь как набор функциональных характеристик и фактического материала, значит исказить и его аналитическую значимость.

Из примеров переводческих неудач в работе с фольклорными текстами не следует делать вывода ни о том, что фольклор принципиально непереволим, ни о том, что авторы неудачных (или не вполне удачных) переводов допустили ошибки. Лишь с началом систематической работы над публикациями фольклорных памятников у переводчиков фольклора появилась теоретическая опора – публикации замечательных специалистов, соединивших в своей работе переводческую теорию и практику [Гацак 1977, Гацак, Казагачева 1997, Казагачева 2002, Кидайш-Покровская 1977, Мирбадалева 1995, Мирбадалева, Кидайш-Покровская 1984, Суразаков 1973]. Дальнейшие разработки теории перевода фольклора составляют необходимое условие научной работы в фольклористике вообще и русскоязычной – в частности.

Фольклорный текст в силу своих отличий от авторского художественного текста накладывает совсем иные ограничения на возможности перевода, чем те, что известны для перевода литературы. Без соблюдения этих ограничений перевод не сможет приблизиться к выполнению описанных выше целей.

1. Язык фольклора отличается от современного языка – как повседневного, так и литературного. Для полного понимания текста переводчику может не хватать владения современным языком этноса. Понимание архаических, диалектных черт текста часто требует обращения к родственным языкам, говорам, исторической грамматике. Этот же подход нередко нужен и по отношению к языку перевода.

2. Законы создания и бытования фольклорного текста отличают его от авторского текста, он – элемент традиции, которая отражается в нем в полной мере, всеми своими сторонами. Чтобы осмысленно и научно переводить такие тексты, необходимо знать эту традицию, историю ее формирования, современное ее состояние, предыдущие публикации фольклорных образцов этой традиции, старые и новые исследования по истории и культуре народа. Не владея этими знаниями в достаточной мере, можно незаметно для себя, а главное – для читателя упустить или исказить нечто важное в форме и содержании текста, в способе его подачи. Такая вероятность сохраняется всегда, но в силах переводчика уменьшить ее, повышая свой научный уровень.

2а. Отсюда следует, что текст в научном переводе не может функционировать без обширного комментария. Чтобы текст оставался легким для восприятия, его нельзя перегружать лишними

подробностями, пояснениями, примечаниями, оставив их для комментариев. Комментарий представляет собой, по сути, самостоятельное исследование, посвященное различным сторонам памятника, как языковым, так и содержательным. Только текст и комментарий в комплексе могут приблизить читателя к пониманию фольклорной традиции как целого, даже если она представлена одним текстом.

Проиллюстрировать сказанное выше поможет фрагмент фольклорного текста с его комментариями – отрывок из алтайского героического сказания «Очи-Бала» в исполнении Алексея Калкина [Алтайские героические сказания 1997: 92–93]. Подготовка алтайских текстов к изданию и перевод сделаны З.С. Казагачевой; ответственный редактор тома – член-корр. РАН В.М. Гацак, уделявший много внимания качеству перевода как с языковой, так и с содержательной стороны.

Издание интересно тем, что в нем тексты подаются с одновременным указанием на различия двух вариантов, вплоть до каждой строки. Варианты строк, а также строки, которых нет в основном публикуемом варианте, даются внизу страницы как примечания, а строки, к которым они относятся, обозначены в тексте цифрами в верхнем регистре (в нашем фрагменте – цифрой ⁹ в строке 173). Астериском (*) обозначены слова и выражения, поясняемые в комментариях. Двойная косая черта (//) отмечает строки, после которых следует проигрыш на *тошуре* в паузах между тирадами; сказание исполнено *каем*, при этом паузы необходимы исполнителю для короткой передышки. Квадратные скобки используются для обозначения слов, которые отсутствуют в оригинале и введены переводчиком в целях пояснения, восполнения смысла строки.

*Очы ла Бала пу ла сыйны
Азулудаң адын мўнген
Эргектўдиң тилин пўлер,
165 Э-э-э! Аңдап-куштап жүрер јаңду,
Адар саадак тайан жүрер,
Ак мултукты* жүктен жүрер,
Јуу ползо, јууга да жүрер аргазы пар,
Аңдап-куштап та жүретен салымы пар.
170 Очы-Јеерен оның ады
Суу јелбистең пу јайалган,
Очы-Бала паатырым
Јер јелбистең пу јайалган⁹.
Кўргөн көси көк чолмондый,
175 Кысыл марал пу чырайлу,
Јайалганнаң јеерен атту,
Очы ла Бала паатырым
Јаактуга пу айттырбай,
Јаман конок пу конбогон,
180 Јарынтуга соктырбай,
Јайнап-ыйлап көрбөгөн.
Кесер келзе – кезе тудар,
Алып келзе – аймай тудар,
Јарынында јапшары јок, јаан пўткен,
185 Омырткада ўйеси јок, пөкө пўткен.
Пек тер пўткен пелинде
Пејсен айгыр мал жүргедий,
Ак јалаңдый јардында
Алтан ўўр кой тургадый.*

Её младшая сестра Очи-Бала
Ездила на коне из клыкастых*,
Знала язык когтистых* [зверей],
165 Э-э-э! Зверовать-птицевать* имела обычай.
Опора её – стреляющий лук,
За плечами её – белые стрелы*.
Случится война – могла воевать,
[Но] зверовать-птицевать – [такую] судьбу имела.
170 Её конь Очи-Дьерен
Духом воды был ниспослан*,
Богатырка моя, Очи-Бала,
Духом земли была ниспослана⁹.
Видящие её глаза – как синие звёзды,
175 Лицо её – как красный маральник*,
Рыжего коня от сотворения имеющая,
Богатырка моя, Очи-Бала,
Щекастому* оскорбить [себя] не давала,
[В жизни своей] горького дня не знала,
180 Плечистому пригнуть [себя] не давала,
Со слезами пощады не просила.
Кесер ли подступится – насмерть сожмёт,
Алып ли подступится – в охапку схватит,
От рождения рослая, в плечах без выступов,
185 От рождения сильная, в суставах без выемок.
На её спине, крепкой от рождения,
В пятьдесят жеребцов табуны могли бы пастись*,
На лопатках её, как на белой равнине,
В шестьдесят [баранов] отары могли бы стоять*.

Вообще перевод обоих сказаний из этой книги являет собой прекрасный образец чувства меры, проявленного переводчиком. Отступления от формальных признаков оригинала большей частью кажущиеся (ниже в нашем разборе мы их отметим), но там, где они действительно допущены, они полностью подчинены конечной цели – достижению семантического и художественного эффекта, близкого к тому, который дает оригинал, и во всяком случае не разрушают этого эффекта.

Сначала рассмотрим *комментарии к отдельным словам и выражениям*.

Стк. 163 «...из клыкастых...» – в комментариях сказано, что эта специфическая черта богатырского коня в эпосе указывает на его незаурядность, особые качества [Там же: 593]. Такой перевод уже может считаться традиционным для издания алтайского эпоса – аналогично конь обозначен в издании «Маадай-Кара» серии «Эпос народов СССР» [Маадай-Кара 1973: 600].

Стк. 164 «...когтистых...» – перевод в данном случае представляет собой толкование буквального значения слова *эргектүдиң* ‘имеющий большой палец’. Так исполнитель называл хищных зверей, у которых выделяется на ноге палец с длинным когтем [Алтайские героические сказания 1997: 593]. При чтении русского перевода возникает понимание слова «когтистый» как обозначения зверя с лапами и когтями, в отличие от копытного, т.е. связь с «большим пальцем» хищника в переводе не проявлена.

Стк. 165 «Зверовать-птицевать...» – слово, созданное переводчиками, с опорой, с одной стороны, на алтайское парное слово *аңдап-куштан*, с другой – на русский глагол «зверовать» в значении «охотиться на зверя» [Даль 1994, т. 1: 674]. Удачный пример словотворчества в переводе по известной модели передает стиль алтайского (и, шире, тюркского) фольклорного языка и внутреннее содержание парного слова. По той же модели создано слово «зверовать-речковать» (*аңдап-суулан*), где «речковать» означает «охотиться на речного зверя – выдру» [Алтайские героические сказания 1997: 593].

Стк. 167 «...белые стрелы» – перевод «стрелы» является результатом выбора и актуализации одного из значений многозначного слова *мултук* ‘стрела; лук, самострел; ружье’. Эпический контекст позволяет предполагать, что героиня пользуется архаическим оружием – стрелами, а не более поздним самострелом (луком на деревянном ложе) или еще более поздним ружьем. Эпитет *ак* ‘белые’ также может иметь кроме собственно цветового значения еще значение «священный», т.е. «чистый» или «заговорённый» [Там же]. Переводчиком выбран наиболее общий вариант перевода, который многозначен и в русском языке, хотя диапазон его значений не совпадает со значениями алтайского слова.

Стк. 171 «Духом воды был ниспослан...» – комментарий к переводу поясняет мифологическое представление о происхождении богатырского коня. Есть основания считать связь коня с водой общим свойством ряда тюркских эпических текстов [Там же: 594]. Комментарий призван иллюстрировать одну из характерных особенностей фольклорной традиции. Следующие две строки, описывающие богатырку как «ниспосланную духом земли», также имеют аналогии в эпических текстах других народов [Там же].

Стк. 175 «...красный маральник...» – алтайское название багульника, цветущего розовыми цветами (в отличие от белого). Из этого описания читатели должны понять, что лицо у героини не красное, а нежно-розовое, чего, однако, впрямую в комментарии [Там же] не сказано.

Стк. 178 «Щекастому...» – *жаакту* – букв. «имеющий щёки», но также означает «любящий уязвить, побранить; хулигель» [Ойротско-русский словарь 2005: 40]. В отличие от перевода строки 164, здесь перевод не является толкованием, а передает прямое значение. Надо отметить, что русское «щекастый» означает не столько вообще «имеющий щёки», сколько «толстощёкий» [Даль 1994, т. 4: 653], но этот состав лексического значения не мешает передаче алтайского образного выражения.

Стк. 187, 189 «В пятьдесят жеребцов табуны могли бы пастись... В шестьдесят [баранов] отары могли бы стоять» – в представлении русского читателя гиперболическое описание облика героини может быть понято как «табуны из пятидесяти жеребцов» и «отары из шестидесяти баранов». Как следует из комментария, это понимание неверно: описываемый табун включает в себя 50 жеребцов с их косяками (кобылами, молодыми жеребцами и жеребятами), в каждом косяке обычно от 20 до 60 коней [Алтайские героические сказания 1997: 594]. Аналогично гурт баранов – это вожак и около 30 его овец-маток. Таким образом, в описании речь идет не о пятидесяти, а примерно о двух с половиной тысячах коней, не о шестидесяти баранах, а примерно о двух тысячах овец.

Далее необходимо пояснить *выбор слов, добавленных в квадратных скобках в текст перевода*. Как мы увидим, некоторые из них необходимы, другие необязательны для смыслового наполнения текста, но могут быть сохранены.

Стк. 164 «...когтистых [зверей]...» – поскольку в комментарии к этой строке поясняется, кого именно исполнитель называет «когтистыми», а когти в восприятии читателя связаны в первую очередь с хищными зверями, то форму [зверей] можно считать необязательным добавлением.

Стк. 169 «[Но] зверовать-птицевать – [такую] судьбу имела» – добавление противительного союза необходимо, если интонация фразы не может быть выражена другим способом (как в этом случае). Местоимение [такую] позволяет усилить противопоставление войны (в предыдущей строке) и охоты, но является необязательным: построение «Но зверовать-птицевать судьбу имела» допустимо, хотя интонационно менее выразительно.

Стк. 189 «В шестьдесят [баранов] отары...» – алтайское *јүр кой* означает «гурт из 30 и более овец-маток при одном баране» [Там же]. Как мы видели в комментарии к этой строке (см. выше), количество гуртов считается по количеству баранов, которые возглавляют каждый гурт. Таким образом, добавление слова, подразумеваемого в алтайском тексте, оправданно и помогает вернее понять строку. К тому же этого требует параллелизм строк 188 и 189: в строке 188 упомянуты жеребцы, значит, в следующей строке в той же синтаксической позиции ожидаемо появляются бараны.

Скажем несколько слов о *стилистике перевода* – выбранный отрывок дает возможность наблюдать воплощение некоторых важных принципов. О стилистическом приеме конструирования слова по алтайской модели (зверовать-птицевать) мы говорили выше. Рассмотрим теперь *синтаксический параллелизм строк*. В трудах по фольклорной поэтике этот прием подробно описан и исследован; имея представление о его природе и роли в фольклорном тексте, мы можем увидеть, какими способами и в какой мере параллельные конструкции оригинала отражены в русском переводе.

Стк. 163–164 «Азулудаң адын мўнген / Эргектўдиң тилин пўлер...» – «Ездила на коне из клыкастых, / Знала язык когтистых [зверей]...» – две алтайских строки построены точно параллельно, с совпадением грамматических форм. Русские строки повернуты «задом наперед» относительно алтайских: порядок слов «глагол – дополнение» для русского языка прямой и самый частый. Фразы звучат так же естественно по-русски, как они естественны по-алтайски. Совпадение русских грамматических форм в обеих строках усиливает впечатление от синтаксического повтора, хотя формы дополнений несколько отличаются: «из клыкастых» и «когтистых» – в разных падежах.

Стк. 166–167 «Адар саадак тайан јўрер, / Ак мултукты јўктен јўрер...» – «Опора её – стреляющий лук, / За плечами её – белые стрелы...» – структура алтайских предложений в этих строках почти совпадает, что подчеркнуто повтором глагола в конце строки. И здесь, как в предыдущем примере, русская строка представляет алтайскую «задом наперед», однако порядок слов, выбранный для перевода, как и в предыдущем случае, наиболее естественный. Появление в русских предложениях тире – не вольность, а скрупулезное выполнение требования сохранить логический строй алтайской фразы (одно из кажущихся отступлений от оригинала). В русском предложении настоящего времени глагол-связка нулевой, и здесь форма его выражения – тире, по функции соответствующее глаголу *јўрер*. Алтайская пунктуация тире в этом случае не требует, поэтому принцип единства пунктуации здесь не может быть соблюден буквально.

Параллельность русских строк проявлена достаточно ярко и полно, однако их строй не совпадает: в строке 166 «опора ее» – подлежащее, в строке 167 параллельная этой части строки конструкция «за плечами ее» – обстоятельство. Читатель перевода, конечно, не проводит синтаксического анализа – он видит, что ритм обеих строк сходен, логическое ударение в обоих случаях – на последних словах, тире организует графически одинаковое членение строк. Этого достаточно для эффекта параллельности, а попытка передать алтайские грамматические формы с помощью чисто грамматических средств была бы ненужным буквализмом.

Стк. 170–173 «Очы-Јеерен оның ады / Суу јелбистең ну јайалган, / Очы-Бала паатырым / Јер јелбистең ну јайалган» – «Её конь Очи-Дьерен / Духом воды был ниспослан, / Богатырка моя, Очи-Бала, / Духом земли была ниспослана» – здесь мы видим параллельные двустипишия. Синтаксическая структура алтайских параллельных строк совпадает полностью и дополнительно подчеркнута лексическими повторами *јелбистең* и *ну јайалган*. Отличия русских строк 170 и 172 от алтайского оригинала – в порядке слов, что мы наблюдали и выше. Алтайские строки начинаются с имен коня и героини, русские – с приложений. Такое изменение не нарушает ни строя предложений, ни логики наименования персонажей – иначе говоря, ничего не разрушает, зато дает ритмизацию русских строк, благозвучную и легко читаемую. Строки 171 и 173 в переводе полностью повторяют строй алтайских строк; русская инверсия (дополнение впереди сказуемого) интонационно выделяет дополнения, заостряет на них внимание читателя и подчеркивает возвышенный стиль текста (это характерная роль инверсий в русской поэтике [Квятковский 2000: 142]).

Стк. 174–175 «*Кӧргӧн кӧси кӧк чолмондый, / Кысыл марал пу чырайлу...*» – «Видящие её глаза – как синие звёзды, / Лицо её – как красный маральник...» – алтайские строки «зеркально» параллельны друг другу, образуя хиазм: «видящие глаза подобны синим звёздам, / как красный маральник — с таким лицом», поддержанный звуковым повтором *кӧргӧн – кӧси – кӧк – кысыл*. В переводе параллелизм прямой; получившиеся строки связаны единым ритмом, синтаксическая параллельность даже более точна, чем в алтайском тексте, а передать по-русски рифму оригинала – задача непосильная, да и ненужная. Оборот *кысыл марал чырайлу* часто встречается в алтайской поэзии, хотя слово *марал* в значении «маральник» в обычной речи не используется.

Стк. 178–181 «*Јаактуга пу айттырбай, / Јаман конок пу конбогон, / Јарынтуга соктырбай / Јайнап-ыйлап кӧрбӧгӧн*» – «Щекастому оскорбить [себя] не давала, / [В жизни своей] горького дня не знала, / Плечистому пригнуть [себя] не давала, / Со слезами пощады не просила» – в алтайском тексте строение параллельных строк совпадает очень близко и поддержано созвучием *конбогон–кӧрбӧгӧн*. В переводе параллельность строк нарушается, во-первых, вставкой [В жизни своей], без которой строка выглядит неполной по смыслу, во-вторых – заменой глагольной конструкции *јайнап-ыйлап* — букв. ‘моля-плача’ — описательным оборотом «со слезами пощады (не просила)».

Стк. 182–183 «*Кесер келзе – кезе тудар, / Алып келзе – аймай тудар...*» – «*Кесер* ли подступится – насмерть сожмёт, / *Алып* ли подступится – в охапку схватит...» – в обоих текстах две строки совершенно параллельны, перевод здесь точно отображает синтаксическую структуру оригинала. Однако алтайский параллелизм поддержан лексическим повтором в конце строки (*тудар – тудар*), которого в переводе нет. Алтайское сочетание наречия с глагольной формой (*кезе тудар, аймай тудар*) передано также сочетаниями наречие-глагол, но русские глаголы – разные. Они передают скорее характер действия, чем точные значения алтайских форм (*кезе* ‘грубо’, *аймай* ‘по-медвежьи, как хватает медведь’ [Ойротско-русский словарь 2005: 78]). Не отражена в русском тексте присутствующая в алтайской строке внутренняя рифма: *кесер – кезе, алып – аймай*, что не может считаться серьезной потерей – цель передать звуковые особенности оригинала в научном переводе не ставится.

Стк. 184–185 «*Јарынында јанишары јок, јаан нӱткен, / Омырткада уйјеси јок, пӧкӧ нӱткен*» – «От рождения рослая, в плечах без выступов, / От рождения сильная, в суставах без выемок» – параллелизм строк в обоих текстах полный – с одинаковыми формами и составом предложений. И здесь русские параллельные конструкции обратны алтайским: «от рождения рослая», «от рождения сильная» – в начале строк, *јаан нӱткен, пӧкӧ нӱткен* – в конце. И в самих этих полустипических порядок слов в переводе – обратный алтайскому. Однако русские фразы звучат естественно, полностью передают смысл и благодаря инверсии подчеркивают выразительность образа. Относительно «выступов» и «выемок» у русскоязычного читателя, конечно, возникают вопросы, но комментарии по этому поводу в книге не приводятся. Мы можем составить лишь общее впечатление о смысле этих образов: в сложении героини нет ничего лишнего или недостающего.

Стк. 186–189 «*Пек тер нӱткен пелинде / Пежен айгыр мал јӱргедий, / Ак јалаңдый јардында / Алтан уӱр кой тургадый*» – «На её спине, крепкой от рождения, / В пятьдесят жеребцов табуны могли бы пастись, / На лопатках её, как на белой равнине, / В шестьдесят [баранов] отары могли бы стоять» – параллельные пары строк. В строках 186, 188 порядок слов в переводе изменен относительно алтайского, в строках 187, 189 – сохранен точно. Принцип изменения порядка слов тот же, что и в предыдущих примерах: организация ритма русской строки, выразительные инверсии и удачный оборот «на лопатках её, как на белой равнине», позволяющий сохранить сравнение, избежав буквализма громоздкой конструкции типа «на её подобных белой равнине лопатках». Алтайский показатель уподобления *-дый* может быть передан по-русски только сравнительным оборотом, и чем короче и проще этот оборот, тем лучше – отдельное придаточное предложение, призванное передать значение суффикса, выглядело бы нелепо и нарушило бы соразмерность строки.

Приведенный разбор, хотя и очень краткий, показывает, какие средства и возможности есть у переводчика национального текста на русский язык и какие задачи для него получают приоритет над другими, возможно, невыполнимыми (такими как передача рифмы или точное воспроизведение ритма). Цели научного перевода, названные в начале нашей статьи, здесь достигнуты практически в равной мере. Познавательная функция текста достигается сохранением членения на строки, аналогичные алтайскому тексту, национальной образности, не знакомой читателю (белые стрелы, синие звезды, красный маральник, табуны в пятьдесят жеребцов, отары в шестьдесят баранов). Аналитическая функция, как мы видели, позволяет исследовать поэтику оригинала, его содержание.

Эстетическая функция текста сохранена с помощью сравнений, синтаксического параллелизма строк, выбора стилистически маркированных слов («зверовать-птицевать», «ниспослан», «сотворение» — слова книжного, высокого стиля, свойственного эпосу).

Приемы, использованные переводчиком, успешно справившимся со своими задачами, могут быть алгоритмизированы исходя из особенной системы принимающего языка и природы текста оригинала. Попытки такой алгоритмизации в некоторых частных вопросах научного перевода фольклора сделаны в наших предыдущих публикациях; дальнейшая разработка этой темы вызвана востребованностью научных переводов, выполненных на высоком уровне.

Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Института филологии СО РАН канд. филол. наук А.А. Озоновой за помощь в анализе алтайского языкового материала.

Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Гацак В.М. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 182–196.

Гацак В.М., Казагачева З.С. Текстологические принципы и процедуры издания // Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 1: А–З; Т. 4: Р–v.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.

Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М.: Дрофа, 2000.

Кидайш-Покровская Н.В. Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 128–166.

Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Зап. и подгот. текста, пер., примеч. и прил. С.С. Суразакова. М., 1973. 465 с.

Мирбадалева А.С. Текстология тюркоязычного эпоса: теоретические и методические аспекты двуязычного научного издания «Манаса» и других эпических памятников: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.

Мирбадалева А.С., Кидайш-Покровская Н.В. О принципах перевода и комментирования текста // Манас. Киргизский героический эпос. М.: Гл. ред. вост. лит., 1984. Кн. 1. 544 с.

Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 316 с.

Суразаков С.С. От переводчика // Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 61–64.